

МОСКОВСКИЙ
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

Н. В. Трофимова

ПОЭТИКА ДРЕВНЕРУССКОГО ВОИНСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ

Москва 2017

Министерство образования и науки Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«Московский педагогический государственный университет»

Н. В. Трофимова

ПОЭТИКА ДРЕВНЕРУССКОГО
ВОИНСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ

Монография

МПГУ
Москва • 2017

ББК 83.3(2Рос=Рус)
УДК 821.161.1
Т761

Рецензенты:

Е.В.Николаева, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры русской литературы Института филологии Московского педагогического государственного университета

А.А.Пауткин, доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры истории русской литературы филологического факультета Московского государственного университета имени М.В.Ломоносова

Трофимова, Нина Владимировна.

Т761 **Поэтика древнерусского воинского повествования:** Монография / Н. В. Трофимова. – Москва : МПГУ, 2017. – 276 с.

ISBN 978-5-4263-0440-6

Монография посвящена комплексному исследованию поэтики древнерусского воинского повествования в историческом развитии на материале летописных и внелетописных повестей XI-XVII вв. Прослежены основные композиционные компоненты повествования, эволюция стиля, системы художественных средств. Выявлены особенности работы летописцев XV-XVI вв. над ранними воинскими сюжетами.

Исследование адресовано филологам, историкам, культурологам, преподавателям и студентам, всем интересующимся историей русской литературы.

ISBN 978-5-4263-0440-6

ББК 83.3(2Рос=Рус)
УДК 821.161.1

© МПГУ, 2017
© Трофимова Н. В., 2017

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
-----------------------	---

Глава 1. Развитие сюжетов воинских повестей в летописях XV–XVI столетий

1.1. Переработка сюжета о победе юноши-кожемяки над печенегом	17
1.2. История повести о междоусобной войне 1149 г. в летописании	23
1.3. «Повесть о битве на Липице» в переработках летописцев XV–XVI веков	35
1.4. Работа летописцев над повестью о походе Святослава Всеволодовича на волжских булгар	62
1.5. Повесть «О первой Литовщине» в русском летописании	75
1.6. Летописная повесть о битве на Скорнищеве	84
1.7. Повесть о нашествии Тохтамыша	88
1.8. Повесть о походе новгородцев против московского князя	100
1.9. Повесть о нашествии Едигея	107
1.10. Летописная повесть о Мустафе-царевиче	119

Глава 2. Малые жанры в составе воинского повествования

2.1. Особенности и функционирование лирических жанров	128
2.1.1. Назначение и своеобразие молитв	128
2.1.2. Поэтика и роль плачей в воинском повествовании	149
2.1.3. Особенности жанра похвалы	169
2.2. Функционирование символических жанров в воинском повествовании	178
2.2.1. Свообразие жанра видений	178
2.2.2. Особенности жанра чудес	191
2.2.3. Поэтика жанра знамений	198

Глава 3. Изобразительно-выразительные средства воинского повествования

3.1. Воинские формулы в летописном и внелетописном повествовании	210
3.1.1. Становление воинских формул в «Повести временных лет»	210
3.1.2. История «формулы начала битвы»	215
3.1.3 Поздние воинские формулы в повествованиях XV–XVII вв.	221
3.1.4. Использование воинских формул в «Казанской истории»	227
3.2. Изобразительно-выразительные средства в воинском повествовании	231
3.2.1. Система тропов в воинских повестях XII–XV вв.	231
3.2.2. Цвет в текстах воинского содержания.	252
Заключение	261
Литература	262

ВВЕДЕНИЕ

Военные события стоят в центре множества произведений древнерусской литературы во все эпохи ее развития. Постоянная необходимость защищать границы Руси, а на определенном этапе и борьба между русскими князьями за власть обусловили особое внимание древнерусских книжников к батальной теме. Начиная с ранних летописей, возникают различные формы рассказа о военных событиях, в первую очередь погодные записи и воинские повести. Однако сам термин «повесть» для древнерусского периода требует пояснения.

Существование жанра повести в средневековой литературе признавалось всеми исследователями с конца XIX в., но представление о границах этого жанра было различным. Как правило, понятие «повесть» относили только к переводным произведениям историко-беллетристического характера, а по отношению к оригинальным древнерусским текстам исторического содержания употребляли термин «сказание» [1, 313-314], или «сказание» и «повесть» как синонимы [2, 465-466].

В обобщенной форме проследил черты и направления развития жанра Я.С.Лурье в статье, включенной в коллективную монографию, посвященную русской повести XIX в. [3]. Литературовед указал, что слово «повесть» использовалось в древнерусской письменности чрезвычайно широко: «Повесть – это и весть о каком-либо событии..., и описание..., и разговор, и даже насмешка...» [3, 23], причем в терминологическом смысле было неопределенным: «Рано став наименованием для письменного рассказа, повесть и в этом смысле могла означать произведения различных жанров» [3, 23]. Таким образом, исследователь констатирует отсутствие представления о закреплённости слова «повесть» за определенным видом произведений у древнерусских авторов и переписчиков. Затем Я.С.Лурье дает определение и характеристику жанра уже с современных позиций: «Русь знала жанр повести, близкий к соответствующему жанру в литературе нового времени, **повесть как один из видов сюжетной прозы** (здесь и далее выделено мною – *Н.Т.*)... Сюжетная повесть стремилась именно к тому, чтобы показать

событие, и показать его в движении. Острое сюжетное построение было свойственно не только чисто беллетристическим памятникам («неполезным повестям»), но и историческим (летописным и внелетописным), и житийным повестям Древней Руси» [3, 24]. Неясно определение «сюжетная повесть», поскольку оно должно подразумевать существование «бессюжетной повести», которое вряд ли возможно. Данная Я.С.Лурье далее характеристика повестей более всего ориентирована на первый из названных им типов – «беллетристическую» повесть, как оригинальную, так и переводную, на примере которой и рассмотрены исследователем особенности жанра. Более общее значение имеет типология сюжетов (эпический, телеологический, амбивалентный), изложенная впервые в книге «Истоки русской беллетристики» [4,22-24], и повторенная в цитируемой работе. Итоги развития древнерусской повести представлены в статье тоже односторонне: «За несколько веков своего существования древнерусская повесть пережила значительную эволюцию; мы можем говорить об углублении сюжетных мотивировок и характеристики героев в повестях XVII в. по сравнению с предыдущим временем» [3, 34]. Сюжетные мотивировки и более углубленные характеристики героев начинают появляться в отдельных исторических повестях уже в XV в., а эволюция жанра, конечно, не ограничивается указанными сторонами. Иначе говоря, специфика и границы жанра древнерусской повести пока не определены.

Рано появился в науке термин «воинская повесть», регулярно использовавшийся в работах А.С.Орлова, внесшего значительный вклад в изучение жанра. Исследователем указаны отличительные его черты, названные им «литературной оболочкой воинских сюжетов», в которую он включал отдельные термины и формулы, стереотипные схемы последовательности действия, патриотическую или религиозную идею. Прослеживаются изменения в произведениях жанра, произошедшие в XVI-XVII вв. [5;6]. В более поздних работах ученый создал обобщенную картину развития стиля воинской повести, используя материал наиболее известных летописных и внелетописных произведений [7;8].

Важными были наблюдения М.Н.Сперанского, который обратил внимание на отличие мирозерцания авторов воинских повестей от авторов церковных произведений, на общность отдельных эпизодов и устойчивые выражения [9, 377-378], на народное влияние, выразившееся в появлении «художественно-фантастического элемента, поэтического настроения» [9, 354]. Работы А.С.Орлова и М.Н.Сперанского дали начало целому ряду исследований, посвященных стилистическим особенностям воинских повестей.

Особое внимание было уделено в литературоведении «общим местам» воинских повестей. А.Н.Робинсон исследовал их народнопоэтические истоки [10], Д.С.Лихачев, идя от работ А.С.Орлова и не во всем соглашаясь с ним, предлагал выделить среди «воинских формул» стилистические обороты и стереотипные ситуации [11, 352-357]. О.В.Творогов еще раз обратился к изучению устойчивых формул, в том числе воинских, указав на их связь в ряде случаев с библейскими текстами [12;13].

Новые наблюдения над «общими местами» воинского повествования и их назначением были сделаны английской исследовательницей Е.А.Прохазкой [14; 15]. В ее работах проанализировано происхождение ряда «воинских формул» с точки зрения метонимической или метафорической основы, расширен их круг по сравнению со списком, данным в ранних работах А.С.Орлова, прослежены их новые черты в поздней литературе. Однако неполнота привлекаемого материала, ориентация главным образом на известные внелетописные воинские повести приводят исследовательницу в ряде случаев к неточным выводам. Например, формулу «взять на щит» она не находит «в произведениях, написанных позже XIII в.» и говорит о том, что употребление ее в текстах XVI и XVII вв. – «стилистический анахронизм» [15, 236]. Между тем формула эта встречается, например, в Комиссионном списке Новгородской I летописи под 1398 и 1401 гг. [16, 392, 396]. Или, трактуя словосочетания со словом «сила» как формулы [15, 235], Е.А.Прохазка забывает назвать один из самых распространенных оборотов «в силѣ тяжцѣ». Список примеров употребления многих формул может быть значительно расширен за счет ветвей летописания, не при-

влеченных автором в работе. Процесс превращения формул в элементы красочного детального повествования начинается в XV, а не в XVI веке, как полагала английская исследовательница [15, 239]. Таким образом, работа содержит достаточно обширный, но не исчерпывающий материал по теме, а потому выводы ее не всегда безупречны.

Общей системе формул древнерусской литературы посвящена монография В.В.Колесова «Древнерусский литературный язык» [17]. Рассматривая историю возникновения и развития формул с лингвистической точки зрения, ученый обосновывает неизбежность эволюции этого явления, прямо связывая его с понятием жанра. По мнению В.В.Колесова, все формулы происходили из делового языка и, лишь попадая в иные условия, используясь в других жанрах, приобретали переносный смысл и начинали играть стилистическую роль [17, 137-144]. Развитие формул шло от большей предикативности к большей описательности и соответственно к увеличению в XV в. их объема «за счет определений и однородных членов» [17,157]. В результате «именно принцип отбора и соединения формул после XV в. создает жанровые ограничения текста» [17, 273]. С последним утверждением вряд ли можно согласиться: жанровые ограничения текста гораздо более многообразны, но многие наблюдения и выводы монографии находят подтверждение при изучении воинских формул.

Новый аспект в изучении устойчивых формул древнерусской литературы был рассмотрен в работе О.П.Лопутько, обратившейся к вопросу о причинах возникновения этого явления. Исследовательница приходит к выводу о том, что формула – это «явление не узко языковое, а психо-языковое», и связывает ее организацию «с процессами обобщения разных уровней» [18, 86].

Существенный вклад в исследование летописных воинских повестей ранней эпохи внесли работы А.А.Пауткина [19; 20; 21; 22; 23; 24; 25]. Исследователь выделил основные тематические виды батальных описаний в составе ранних летописей, проследил характерные черты в изображении героев и стилистике летописей, проанализировал широкий круг воинских текстов. Особое внимание уделено воинским повестям в Галицкой летописи, ранее детально не изучавшимся с точки

зрения стиля, в которых выявлены основные художественные закономерности и местные черты.

Значительный круг исследований посвящен отдельным памятникам жанра воинской повести, а в последние десятилетия и отдельным аспектам поэтики произведений этого жанра. Работы В.П.Адриановой-Перетц, Т.Ф.Волковой, В.П.Гребенюка, А.С.Демина, О.А.Державиной, Л.А.Дмитриева, И.А.Евсеевой-Лобаковой, В.В.Кускова, Д.С.Лихачева, Я.С.Лурье, А.Н.Робинсона, М.А.Салминой и многих других ученых раскрывают значение отдельных памятников в развитии жанра, новые поэтические черты каждого из них.

Своеобразный подход к границам жанра проявился в работе Н.А.Сочневой [26, 81-88], предлагающей вывести за пределы жанра воинской повести летописные тексты, рассказывающие о междоусобных битвах князей. Этот подход представляется малопродуктивным, ибо закономерности построения, изображения персонажей, арсенал формул общие для любых рассказов о военных действиях.

Поскольку единое определение жанра воинской повести в современном литературоведении отсутствует, охарактеризуем те позиции, с которых рассматриваются произведения в данной работе. Н.И.Прокофьев и В.В.Кусков считали воинскую повесть одной из разновидностей исторической повести [27, 32; 28, 13]. Поэтому Н.И.Прокофьев дал характеристику исторической повести в целом, назвав ряд ее признаков: эпичность жанра, историзм событий и персонажей, построение на основе логико-художественной обусловленности или по хронологии, включение внутрь повести других литературных форм, преимущественное внимание к событиям, а не к их участникам, реально-правдивый способ изображения. Как дополнительные признаки отмечены особый тип повествователя и язык произведений. Воинская повесть выделяется из круга исторических важнейшим жанрообразующим признаком – объектом повествования, которым служат сражение, поход, осада города.

Литературоведами намечены различные типы классификаций воинских повестей. В ранних исследованиях А.С.Орлов выделил две разновидности этого жанра: книжный и народнопоэтический – и обратил

внимание на различие их стиля, особенно в связи с «воинскими формулами». В классическом труде, посвященном «Слову о полку Игореве», исследователь представил еще одну классификацию воинских повестей – «по степени реальности»: «Одни из них отражают действительные факты с сохранением деталей, другие дают лишь сочиненную картину, лишенную действительных черт события. Есть и смешанный тип повестей, средний между приведенными характерными крайностями. Сочиненность сказывается всего более в описаниях самих боевых столкновений. Для таких описаний выработался запас картинных черт, общих мест, из которых и компоновалось изображение боя» [29, 4]. В этом рассуждении ученый коснулся вопроса о характере вымысла в древнерусских произведениях, по сей день не решенного в литературоведении [30; 31]. Как правило, отделить в летописном воинском повествовании, особенно древнейшем, реальность от вымысла бывает сложно, тем более что представление о реальности средневекового книжника отличалось от современного. Например, к области вымышленного вряд ли можно относить символические формы, как это делает Т.Ф.Волкова [30, 49].

М.Н. Сперанский фактически, не выразив этого в терминах, отметил существование внелетописных и летописных воинских повестей и некоторые их поэтические особенности. Первые, по его мнению, отличаются «своим особым колоритом, своеобразными приемами в описаниях военных, боевых событий. Ряд этих повестей начинается весьма рано – со «Слова о полку Игореве» и переделки сказания Иосифа Флавия о взятии Иерусалима Титом (из «Иудейской войны»), кончая сказанием о взятии Казани и Азовским взятием», вторые, «обычные летописные рассказы о военных событиях..., где идет речь о наших отношениях к иноверным, главным образом татарам. В этого рода памятниках вырабатывается до известной степени своя терминология, свои эпитеты» [32, 77]. Выделив две разновидности жанра, исследователь отнес к первой из них и «Слово о полку Игореве», так же как другие его современники [33] и литературоведы последующего времени [34].

А.А. Пауткиным выстроена на материале Ипатьевской летописи типология, учитывающая тематику и художественные особенности

повестей. В соответствии с этими признаками выделяются группы текстов, рассказывающие о полевой битве, битве за город, походе, поединке, битве на реке в ладьях [20, 6-7]. В то же время исследователь намечает и другую классификацию воинского летописного материала. В зависимости от соотношения документального и художественного начала в тексте «Повести временных лет» он выделяет погодную запись, повествования переходного типа от записи к повести, летописные статьи военно-политического содержания, легенды и предания батального характера [20,8-10]. Первая систематизация оказывается универсальной и может быть применена к материалу любого периода, вторая, выявленная на основе древнейшего из дошедших до нас памятников жанра, свойственна скорее раннему летописанию.

Многообразие точек зрения на жанр объясняется тем, что преобладающие количественно летописные воинские повести несопоставимы с жанром повести в новой литературе, к ним не приложимо определение, данное в современном пособии по теории литературы: «...слово “повесть” говорит о принадлежности произведений эпическому роду литературы и о “среднем” объеме текста (меньшем, чем у романов, и большем, чем у новелл и рассказов)» [35, 320]. Единственное, что можно из этой характеристики отнести к воинской повести, – эпический характер. Поскольку в древнерусской литературе не было ни романов, ни рассказов, объем повестей не с чем сопоставить, тем более что он сильно варьировался и в летописных, и во внелетописных повестях. Используемое в данной работе наименование «рассказ» по отношению к частям повестей и целым повестям – не жанровый термин, а лишь синоним слова «повествование».

Воинская повесть отличается от новой русской повести, поскольку она ставила перед собой иные цели и использовала другие приемы организации текста. Повесть в новой литературе – произведение беллетристическое, имеющее вымышленный сюжет и героев. Воинская повесть – произведение чаще всего историко-дидактическое, почти не прибегающее к вымыслу, а если он появляется, то чаще всего не осознается автором произведения, а происходит из легенды, устного предания, воспринимаемого как достоверный факт. Лишь

по отношению к некоторым произведениям XVI-XVII вв. речь может идти о вымышленных эпизодах или отдельных персонажах. Соответственно построение воинских повестей не отличается сюжетной сложностью и занимательностью, ориентировано на традиционные формы. Эту особенность большинства древнерусских повестей одним из первых отметил В.М. Истрин, который писал: «Для всякой литературы особенную важность имеют, разумеется, самостоятельные, оригинальные повести, как свидетельствующие о развитии известного литературного образования и интереса... Содержание их... несложно, композиция очень проста, но все это вполне соответствовало тому уровню литературного развития, на котором стояли тогдашние и авторы, и читатели» [33, 95]. Эта мысль относится прежде всего к ранним летописным воинским повестям, не содержащим ни вставных элементов, ни значительных описаний. Поэтому, исследуя тексты этого периода, особенно важно отмечать мельчайшие детали, выходящие за пределы традиции, отличающие то или иное произведение от предшествующих и современных ему.

Таким образом, воинские повести давно и плодотворно изучались в литературоведении, но направления и система работы над ними были примерно одними и теми же: разносторонне рассматривались широко известные внелетописные повести и незначительная часть наиболее ярких в художественном отношении летописных повестей. На их основе выявлялись основные черты жанра, прослеживались направления его развития, преимущественно в области стилистики, которая сопоставлялась с переводными и народнопоэтическими произведениями. Была проделана большая работа по выявлению редакций наиболее распространенных воинских памятников и установлению их взаимоотношений. Рассматривались воинские повести в рамках отдельных летописных сводов. Вместе с тем ни в одной работе не предпринимались попытки обобщить наблюдения над воинскими повестями внутри разновременных летописей, созданных в разных княжествах, выявив закономерности их сюжетного развития, представить систему взаимоотношений внелетописных и летописных повестей, использования традиции жанра в монументальных исторических повествова-

ниях XVI и историко-публицистических произведениях XVII в., изменение системы художественных средств на протяжении времени существования жанра.

На основе существующей традиции и проведенных наблюдений формулируем основные представления о рассматриваемом жанре.

Основные черты жанра воинской повести в древнерусской литературе

Воинское повествование в древнерусской литературе имело две основные формы: летописной погодной записи воинского содержания, кратко сообщающей о событиях, и воинской повести, рассказывающей о происшедшем с помощью ряда приемов сюжетного повествования и определенного круга художественных средств. Воинская повесть, представляющая собой один из подвидов древнерусской исторической повести, характеризуется рядом признаков.

1. Жанрообразующим признаком служит, как и для других произведений эпического рода, объект повествования: военный поход, битва, осада города, поединок.
2. Реально-исторический способ обобщения в повестях подразумевает точное отражение событий в том виде, в котором представлял их себе автор. На определенных этапах развития жанра возможно привнесение элементов легендарно-исторического и идеализирующего подхода в изображение героев и событий в зависимости от источников повествования или публицистической тенденции, выраженной книжником.
3. Структура произведений подчиняется хронологическому принципу и логическому отбору эпизодов в соответствии с тремя обязательными композиционными частями: повествованием о подготовке битвы, описанием сражения, рассказом о последствиях военных действий. Сюжет в воинских повестях носит преимущественно эпический или телеологический характер. Он развивается медленно, кульминация выражена слабо, события зачастую передаются не через связное мотивированное повествование, а через цепь сообщений. В качестве элементов структуры в воинскую повесть могут вводиться

лирические (плачи, похвалы, молитвы) и символические (видения, чудеса, знамения) жанрообразования.

4. Повествователь лишен биографических черт, не всегда ясны даже его политические симпатии. Возможными способами выражения позиции по отношению к происходящему для него служат изобразительно-выразительные средства, оценочные реплики и отступления, библейские цитаты, ретроспективная историческая аналогия.
5. Воинская повесть использует по преимуществу общеязыковые средства. Повествование лаконично, применяется прямая речь героев, отражающая различные сферы разговорного языка, в том числе и выработавшие определенную устойчивую традицию.

Жанр использовал определенную систему средств изображения событий и персонажей. Важным принципом построения образной системы и рассказов об отдельных событиях была антитеза, чаще всего связанная с христианскими представлениями (христиане – язычники или иноверцы; смирение правых, которым покровительствуют высшие силы – гордость и самоуверенность неправых, терпящих поражение). Соответственно использовались постоянные противоположные по смыслу книжные эпитеты для характеристики тех персонажей, которым сочувствовал повествователь, с одной стороны, и врагов – с другой, противопоставлялись и чувства героев из противоположающихся групп.

Для изображения битв служили метонимические обороты общеязыкового происхождения, сравнения и гиперболы, восходящие к фольклору. Многие из этих средств, закрепившись за определенными ситуациями, превратились в «воинские формулы», сохраняющиеся на протяжении всего периода существования жанра. Почти не встречаются формулы, лексический облик которых был бы неизменным, он варьируется в большей или меньшей степени, но при этом само «общее место» остается узнаваемым. Это относится не только к «поэтическим» формулам, использующим тропы (например, «бысть съча зла» с вариантами: «сильна, крѣпка, ужасна» и др.), но и к синтак-

сическим конструкциям, к которым принадлежит, например, формула судьбы побежденных в бою, организуемая структурой «овии ...инии», «инии... инии», «инии... друзии» с неодинаковым количеством членов в каждом конкретном случае. Поэтому «**воинскими формулами**» в данной работе именуется относительно устойчивые стилистические обороты, описывающие или обозначающие определенные эпизоды или моменты в ходе военных действий и имеющие целью создание краткой образной картины или точное указание на обстоятельства событий. В соответствии с различием их назначения выделяются формулы описательные, использующие как поэтическую основу сравнения, метонимию и гиперболы, и неописательные, закрепляющие речевые обороты, которые называют явления или признаки.

Формирование летописной воинской повести начинается в рамках первых сводов, вошедших в «Повесть временных лет». На этом этапе повести существовали в двух формах. *Историко-легендарные* не имели достоверных источников, использовали фольклорные сюжеты, способы изображения персонажей и образы; *реально-исторические* базировались на письменных источниках и свидетельствах очевидцев. Не до конца сформировалась композиция жанра, неустойчивыми оставались соотношение частей повествования, их внутренняя структура, использовалось небольшое количество формул.

Процесс формирования воинских повестей завершился в летописях разных русских земель в XII в. При многочисленности и разнообразии текстов воинского содержания выявляются два основных подхода к изображению событий, формирующие два типа повестей, которые различаются 1) приемами изложения, своеобразием сюжета; 2) особенностями изображения персонажей; 3) частотой и характером использования повествователем художественных средств и воинских формул.

Повести информативного типа характеризуются ослабленным сюжетным развитием, краткой передачей фактов в виде сообщений, как правило, связанных лишь хронологической последовательностью. Ход событий редко мотивируется замыслами и поступками героев. Описание битвы обобщенно, предстает как единый статический

эпизод. В повестях этого типа князья не являются действующими героями, поэтому в произведениях редки изобразительно-выразительные средства, применяемые для их характеристики, рассказ отличается малой эмоциональностью, нечасто передаются речи персонажей. Позиция повествователя, не всегда выраженная явно, обнаруживается преимущественно путем провиденциальных рассуждений, использующих библейские цитаты и ретроспективную историческую аналогию. Для изображения событий авторы часто используют воинские формулы неописательского характера.

Повести событийного типа отличаются развернутым повествованием на всем протяжении, развивающимся более напряженно и мотивированно сюжетом, что, как правило, связано со значительным вниманием повествователя к персонажам и достигается широким использованием прямой речи. Подробное повествование о битвах соединяет конкретные детали реальных событий с воинскими формулами описательного типа. Более широко используются изобразительно-выразительные средства. Повествователь проявляет отношение к происходящему не только с помощью дидактических отступлений, но и через прямые пояснения и оценки.

Формирование, основные композиционные типы летописных воинских повестей в ранних сводах и особенности внелетописного воинского повествования в целом были рассмотрены нами в первой части книги, изданной в 2000 г. [36]. В данной работе основные задачи – показать особенности развития сюжетов летописных повестей в сводах XV-XVI вв., рассмотреть своеобразие малых лирических и символических жанров, включавшихся в воинское повествование, остановиться на основных художественных средствах, использовавшихся книжниками.

Глава 1. РАЗВИТИЕ СЮЖЕТОВ ВОИНСКИХ ПОВЕСТЕЙ В ЛЕТОПИСЯХ XV–XVI СТОЛЕТИЙ

Многообразие летописных сводов XV–XVI вв., создававшихся на основе различных местных традиций, вызвало значительную вариативность текстов воинских повестей, помещенных в них. Речь идет о переработке текстов предшественников летописцами последующих эпох, а иногда и современниками. Проследить приметы этой работы можно на примере множества летописных воинских повестей. Сюжеты, рассмотренные в данной главе, позволяют сделать выводы о причинах, вызывавших изменения в текстах, и о некоторых закономерностях в развитии жанра.

1.1. Переработка сюжета о победе юноши-кожемяки над печенегом

В «Повести временных лет» под 993 г. помещена легендарно-историческая воинская повесть о поединке юноши-кожемяки с печенегом. [37, 106–108]. Вначале указывается относительное время событий (Владимир «пришедшю... с воины Хорватъскои») и точное место: печенеги пришли от Сулы, Владимир встретился с ними на броде у Трубежа, «кдѣ нынѣ Переяславль» [37, 106], войска встали по обе стороны реки. В дальнейшем действие передается через речи героев: печенежский князь предлагает условия поединка, Владимир посылает глашатая искать богатыря, старец, пришедший к князю после неудачных поисков им поединщика в дружине, рассказывает о силе своего младшего сына («Отъ дѣтства си своего нѣсть кто имъ ударилъ. Единою бо ми сварящю, оному же мнущю уснѣ и разгнѣвася на мя, преторже черевии руками» [37, 107]), юноша просит испытать его, после испытания князь одобряет его силу .

Центральная часть, рассказывающая о приходе печенегов с богатырем, кратко описывает внешность героев, основываясь на противопоставлении: печенег «превеликъ зѣло и страшень», а юноша «средний тѣломъ» [37, 108]. Описание боя кратко: бойцы боролись, и юноша

победил. Заключительная часть сообщает об окончательном изгнании печенегов войском Владимира, заложении города Переяславля, название которого летописец поясняет («зане перея славь отрокъ»), возвышении юноши и его отца князем и возвращении князя в Киев «с побѣдою и славою великою». В построении сюжета произведения использованы мотивы фольклора: А.А.Шайкин отмечает в нем переплетение былинных и сказочных черт [38, 393-396].

Главный герой, чья сила решает исход событий, не имеет реального исторического имени и летописной «биографии», поскольку участвует только в одном эпизоде. Его главная черта – необычайная сила, проявляющаяся в действии. Ту же черту определяют и слова отца юноши, обращенные к Владимиру. Только в реплике самого юноши, который предложил испытать его до поединка, проявляется другое качество – скромность, явно противопоставленная гордости и самоуверенности врага, что было обычным в былинах и в то же время соответствовало христианским представлениям о Божьей помощи смиренным (древнерусские авторы часто напоминали, что «Бог гордым противится, а смиренных милует»).

Князь Владимир в повести – лицо второстепенное, он похож на Владимира Красное Солнышко в былинах Киевского цикла. Он неспособен найти в своем войске достойного противника вражескому воину: ведь сообщает ему о силе кожемяки отец юноши. Это одна из немногих в «Повести временных лет» воинская повесть, героем которой не является князь.

Редакторы летописей XV и XVI вв. по-разному относились к этому сюжету. Одни стремились передать его в древнейшем варианте, как, например, составитель Софийской I летописи (далее – СІЛ). Другие максимально сокращали, как это сделал автор Рогожского летописца. Он сохранил лишь сообщение о приходе печенегов и победе Владимира над ними, сняв всю повествовательную часть и превратив текст в погодную запись: «Въ лѣто 6501 приидоша печенѣзи въ силѣ тяжцѣ на Владимира и сретѣ ихъ на Трубежи и побѣди я, и ту заложи градъ Переяславль» [39,16]. Такая передача фактов соответствует общей краткой манере этого летописного памятника, стремящегося в по-

вестованиях о событиях прошлого лишь зафиксировать их, не рассказывая о них подробно.

В летописце Переяславля Суздальского, своде XV в., восходящем к основе XIII в., появляются уточняющие детали и вставки, мотивирующие события. В древнейшем варианте печенежский князь предлагает поединок, не обосновывая причин. В переяславской летописи он начинает речь словами «не теряемъ люди» [40, 32], то есть поясняет, что не хочет губить воинов. Детализация, появляющаяся в нескольких случаях, особенно заметна в речи юноши, предлагающего князю испытать его. В Ипатьевской летописи: «Княже! Не вѣмь, могу ли со нь, да искусите мя: нѣтуть ли вола, велика и силна?» В Летописце Переяславля Суздальского: «Княже, не вѣдаю, могли с него, но еще искуси мя, вели ми добыти вола *Татарскаго* велика и силна, *подпои его медомъ силнымъ штобы биль люди, спусти его съ мною*» [40, 32-33] (здесь и далее выделено мною – Н.Т.). Так же распространяется и описание вола, приготовленного для испытания. В Ипатьевской летописи: «И налѣзоша воль силенъ», в переяславском летописце: «И изыскали вола велми висока, рука не досяжет и силна преизлишь» [40, 33]. Печенежский воин в момент схватки назван татаринном, что говорит о поздней редакции отрывка, и это объясняет многие из изменений.

Безымянный герой получает имя Переяслав, которое якобы и дало название городу, основанному на месте его подвига. Фактически редакция этой повести в Летописце Переяславля Суздальского представляет собой пересказ первоначального сюжета, автор которого старался сделать ход событий понятным читателю-современнику.

Существенные изменения внесли в повесть летописцы XVI в. Автор Тверского сборника, в целом сохранив текст, дал ему название: «О Переяславли Русском, иже близъ Киева» перед датой, выдвинув на первый план его топонимическое значение. Летописец также заменил некоторые устаревшие слова, например, вместо «усние» и «черевы» использовал слово «кожа» [41, 115-116].

Речь печенежского князя разделена на две части. После предложения о поединке печенеги сразу показали своего богатыря: «И vedoша мужа велика и силна» [41,115]. Введением вставки автор подчеркивает

стремление печенегов утратить врага. Эта мысль подтверждается и дополнением, внесенным в прямую речь печенежского князя, в которую добавлено: «аще противень сему добудете противна боритесь» [41,115], а затем, как и в древнем варианте, приведены условия единоборства.

В конце повести вместо сообщения о том, что Владимир вернулся в Киев «с побѣдою и славою великою», читаем: «Володимеръ же противу ихъ в малѣ изыиде, и не могуще стати противу ихъ» [41,116]. Летописец таким образом возразил своему предшественнику, утверждая, что победа и слава похода не принадлежали Владимиру, который вышел против врага с небольшим войском и не сумел найти в нем достойного противника богатырю-печенегу.

Изменения в тексте Тверского сборника говорят о том, что его создатель самостоятельно и критически относился к текстам предшественников, выстраивая логически обоснованное повествование.

В Никоновской летописи повесть перенесена под 6503 (995) год. Первая часть, рассказывавшая о встрече войск и предложении печенегов, сокращена. Не называется место, где происходили события. Речь печенежского князя, предлагавшего поединок, заменена сообщением: «они же выведоша мужа велика и силна, да послеть Володимеръ противу его братися» [42:9,65-66]. Владимир посылает искать богатыря «по всей русской земле», а не в своем войске. Старец назван «некий умошвецъ» (кожевник, сапожник), он рассказывает князю: «имамъ сына, иже, кроящу ему кожу сыромятную великаго вола аргичнаго, и разъсверѣпевъ о нѣкоеи вещи, раздра еѣ руками на двое» [42:9, 66]. Снят мотив трудности поисков богатыря, не говорится о том, что Владимир в первый день не сумел найти бойца в своей дружине, так как это принижало бы роль князя-организатора защиты Руси. Исчез фольклорный мотив силы младшего в семье сына, поскольку из речи старца снято упоминание о четырех старших сыновьях. Бытовой эпизод, который был приведен в речи старца, потерял конкретность и превратился в абстрактное доказательство силы юноши. В то же время появляется деталь, подчеркивающая его силу: он мял кожу «великаго вола аргичнаго» (вола, ходившего в упряжке в обозах), то есть очень прочную.

Инициатива испытания в Никоновской летописи исходит от Владимира. Он «повеле» привести юношу и вола, обожженного каленым железом. Для усиления впечатления от силы кожемяки летописец использует синонимичные наречия, придающие описанию события экспрессивность: «волу же **яростно и сверѣпо** бѣжавшу» [42:9, 66]. В сцене испытания юноши речь Владимира, одобряющего его силу, заменена словами: «Володимеръ же и вси его велможи ради быша и повелѣ ему братися з багатыремъ Печенѣжскимъ» [42:9, 66]. Сразу за этим фрагментом следует рассказ о поединке, ничего не сказано о подготовке войска Владимиром.

Снято в тексте противопоставление силы печенега и кажущейся слабости юноши. Антитетические эпитеты, характеризовавшие героев в древнем варианте, заменяет презрительная реплика печенега: «Како сей худый грядеть противъ мене братися?» [42:9, 66]. Введено описание выхода врага на поединок, эмоциональность которого создается за счет использования двух сравнений и синонимических глагольных форм: «И поиде ко отроку, **яростю дыша яко левъ и гордостю взимаяся яко дѣмонъ, и крича и въпиа** на отрока» [42:9, 66]. Чувства печенега, раскрытые в его речи и в этом описании, подчеркивают его уверенность в своем превосходстве.

Поведение отрока объясняется провиденциальным мотивом, отсутствовавшим в древнем тексте: «Отрокъ же, надежу имѣя на Бога и на пречистую Богородицу, не бояся, противу его идяше, и одолѣвъ уби багатыря Печенѣжскаго» [42:9, 66]. Из текста исчезает даже то краткое описание поединка, которое было в первоначальном варианте повести.

Судьба победителя описывается с помощью повторения слова «великий»: «... и сотвори отрока того **великимъ** велможею, такоже и отца его **великимъ** величествомъ почте, и весь родъ его» [42:9, 66].

В редакции Никоновской летописи главный герой повести – Владимир, его решениями движутся события, важность которых уменьшена, поскольку снято условие, выдвинутое печенежским князем (воевать три года или не воевать в зависимости от исхода единоборства). Иначе представлена личность юноши, который превратился

из богатыря, наделенного невероятной силой, в человека, полагающегося на Божью помощь, которая и приводит его к победе.

События благодаря изменениям, внесенным редактором, теряют легендарную окраску, тем более что переработана и стилистика: летописец снимает фольклорные элементы, заменяя их приемами эмоционально-экспрессивного стиля.

Историчность эпизода подчеркивается тем, что далее юноша-кожемяка получает имя Ян Усмошвец. В летописной статье 6509 (1001) г. с заголовком «Богатыри» рассказывается о том, что Александр Попович и Ян Усмошвец, «убивши Печенѣжскаго богатыря», победили печенегов и привели в Киев к Владимиру князя Радмана с тремя сыновьями. В статье 6512 (1004) г. помещена погодная запись: «Идоша Печенѣзи на Бѣлградъ; Володимеръ же посла на нихъ Александра Поповича и Яна Усмошвеца съ многими силами. Печенѣзи же слышавше, побѣгоша въ поле» [42:9, 68]. В этом сообщении автор прибегает к гиперболе фольклорного типа: враги бегут, только услышав о появлении богатырей.

Таким образом, юноша-кожемяка в Никоновской летописи обретает имя Ян, отсутствовавшее в ранних редакциях (только Радзивилловская летопись и Летописец Переяславля Суздальского назвали героя Переяславом). Появляется у него и некая биография, которая ставит его в один ряд с другим легендарным богатырем – Александром Поповичем. Последний, появившись как персонаж повести о битве на Калке в некоторых летописях XV и XVI вв., был затем через былинку об Алеше Поповиче и Тугарине Змеевиче соотнесен со временем Владимира Мономаха (гибель Тугоркана), а в Никоновской летописи оказался современником Владимира Святославича [43; 44].

Создатели Никоновской летописи стремились представить более полные образы персонажей, рисуя которые, они использовали разножанровые стилистические приемы: от книжно-риторических до фольклорных.

Развитие древнего легендарно-исторического сюжета свидетельствует о том, что летописцы XV-XVI вв. стремились сделать текст понятным современникам, придать ему больше наглядности с помощью

введения деталей, а некоторые из редакторов вкладывали в повествование идеи, свойственные их времени, или выражали свое отношение к событиям.

1.2. История повести о междоусобной войне 1149 г. в летописании

Под 1149 г. в Ипатьевской летописи помещена воинская повесть событийного типа, рассказывающая о войне киевского князя Изяслава Мстиславича против Юрия Долгорукого у Переяславля.

В первой части рассказано о причине конфликта: изгнании Ростислава Юрьевича, оклеветанного киевлянами, из волостей, данных ему Изяславом, в результате чего его отец Юрий выступил против киевского князя. Главным средством повествования становится прямая речь. Прежде всего, это документальные речи в сообщениях о посольствах. Этикет посольских речей был изучен Д.С.Лихачевым, который отметил устную традицию их передачи, устойчивость форм и высокую культуру [45]. Эти речи не только «значительны по содержанию, существенны для понимания исторических событий» [4,55], но, как и другие типы речей в рассматриваемой повести, имеют сюжетное и психологическое значение.

В первой из посольских речей Изяслав, поверивший людям, которые обвиняли Ростислава в умысле против его власти как киевского князя, пеняет ему на мнимое предательство. Здесь появляется элемент иллюстративной речи, поскольку киевский князь упоминает о событиях, произошедших ранее и изложенных в летописной статье 1148 г., о том доверии, которое он оказал Ростиславу, а затем передает наветы киевлян. Речь раскрывает доверчивость Изяслава и выражает его гнев и обиду. Ответ Ростислава, переданный также через посла, подчеркивает чувства говорящего: обиду на несправедливые упреки и стремление установить истину на княжеском суде. Однако Изяслав отказывает ему и требует, чтобы Ростислав покинул Киев.

Использованы в этой части и сюжетные речи, мотивирующие развитие повествования и раскрывающие побуждения действующих лиц. Реплика Ростислава к отцу по возвращении из Киева содержит призыв

к Юрию идти на Изяслава к Киеву не только за обиду сына, но и потому, «оже хочеть тебе вся Руская земля и черннии клобукъ» [37,373]. Это дополнение говорит о Ростиславе как о человеке умном и тонком, который понимает, что, возможно, отец не вступится за ослушавшего его сына, но непременно выполнит его просьбу, если будет надеяться на захват Киева. В сюжетном отношении эта речь мотивирует решение Юрия и способствует дальнейшему развитию действия.

В основной части повести содержится подробный рассказ о походе. Повествование о сборе союзников Изяславом и Юрием, отражающее сложные отношения князей, в значительной мере ведется через речи послов и изображение княжеских советов. Все реплики способствуют развитию действия и одновременно ярко характеризуют героев. Владимир Давидович, помня крестное целование, данное Изяславу, предупреждает его о начавшемся походе, а затем дает согласие присоединиться к его войску, доказывая тем самым верность данному слову и преданность сюзеру.

Иначе ведет себя Святослав Ольгович, также связанный клятвой. Он не дает сразу ответа послам Изяслава и держит их у себя неделю, охраняя, чтобы они ни с кем не общались. Тем временем он отправляет посла к Юрию, чтобы узнать, действительно ли тот вышел в поход, и просит не губить его земли. Получив утвердительный ответ, Святослав наконец отпускает послов Изяслава, ставя ему условие: «А вороти ми товара брата моего со што любо, а я с тобою буду» [37, 375]. Эта речь отражает хитрость князя, якобы желающего получить имущество убитого в Киеве брата Игоря, а на самом деле стремящегося найти повод не помогать Изяславу. Уловка Святослава не достигает цели: посол не только передает киевскому князю его речь, но и сообщает о его переговорах с Юрием. При этом он приводит слова последнего, произнесенные в ответ на посольство Святослава, которые летописец ранее не поместил: «Како хощю не въ правду ити? Сыновець мои Зяславъ на мя пришедь волость мою повоеваль и пожегль и еще и сына моего выгналь из Русьской земли и волости ему не даль и соромъ на мя возложилъ. А любо соромъ сложю и земли своеи мьщю, любо честь свою налѣзу, паки ли а голову свою сложю» [37, 375-376]. Не случайно эта

речь приведена не в момент ее произнесения, а значительно позже: она не имеет существенного сюжетного значения, потому что читателю уже известно о неколебимости решения Юрия о походе. Но привести ее летописцу было необходимо, чтобы подчеркнуть побуждения Юрия, обиженного Изяславом и желающего восстановить свою честь.

Посольство Юрия и Святослава к Владимиру и Изяславу Давидовичам с призывом идти против Изяслава Мстиславича оказалось безуспешным. Давидовичи сослались на крестное целование, данное киевскому князю, но, между прочим, припомнили Юрию, что он не выполнил своего обещания помочь им, когда Изяслав напал на их земли. И, хотя они добавили, что «душею не можевѣ играти» [37, 377], имея в виду данную клятву, читателю ясно, что руководило ими не только чувство долга, но и обида на Юрия. Поэтому Давидовичи отказали ему и послали к Изяславу сообщение о походе суздальского князя. Таким образом, ряд посольских речей служит мотивацией событий, раскрывая перед читателем все хитросплетения княжеских отношений и представляя личности участвующих в событиях персонажей.

Речь, переданная послами Юрия Изяславу, в основном иллюстративная: князь перечисляет беды, принесенные ему в прошлом противником («се, брате, на мя еси приходил, и землю повоевалъ, и старѣишинство с мене снялъ» [37, 380]), но затем высказывает просьбу отдать Ростиславу Переяславль, чтобы предотвратить начинающуюся усобицу: «Ныне же, брате и сыну, Рускыя дѣля земля и христьянъ дѣля не пролѣвие крови христьянскы, но даи ми Переяславль, ать посажу сына своего у Переяславли, а ты сѣди царьствуя в Киевѣ. Не хочещи ли того створити, за всимъ Богъ» [37, 380]. Юрий выступает в роли миротворца, желающего восстановить справедливость, при этом он якобы не претендует на Киевское княжество.

Последняя из посольских речей во время сбора войск имеет сюжетное значение. Изяслав просит брата Ростислава о помощи, и Ростислав в ответ приводит своих воинов.

Сюжетную роль и одновременно функцию детализации повествования выполняют речи бояр и князей, обращенные к Изяславу. Во время первого совета с союзниками, в ходе которого решался вопрос

Научное издание

Трофимова Нина Владимировна

ПОЭТИКА ДРЕВНЕРУССКОГО
ВОИНСКОГО ПОВЕСТВОВАНИЯ

Монография

Редактор *Дубовец В. В.*

Оформление обложки *Удовенко В. Г.*

Компьютерная верстка *Ковтун М. А., Дорожкина О. Н.*

Управление издательской деятельности
и инновационного проектирования МПГУ
119571 Москва, Вернадского пр-т, д. 88, оф. 446

Тел.: (499) 730-38-61

E-mail: izdat@mpgu.edu

Подписано в печать 15.12.2016

Формат 60х90/16. Объем 17,25 п.л.

Тираж 500 экз. Заказ № 612.

ISBN 978-5-4263-0440-6

9 785426 304406